

УДК 821.512.31

МОТИВ ВОСПОМИНАНИЙ В РОМАНЕ А. АНГАРХАЕВА «ВЕЧНЫЙ ЦВЕТ»

© **Имихелова Светлана Степановна**

доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: 223015@mail.ru

© **Буянтуева Гэрэлма Цырен-Доржиевна**

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
E-mail: buyan1984@yandex.ru

В статье рассматривается мотив воспоминаний как один из главных мотивов в прозе А. Ангархаева. В романе «Вечный цвет» (1982) он занимает важное место, отражая общую тенденцию в литературном процессе 1970–1980-х гг. и цементируя основной авторский замысел. Данный мотив, наряду с мотивом душевного разлада, входит в общий мотивный комплекс «верность роду», который заявлен прежде всего в образах героев-стариков — инициаторов воспоминаний о прошлом. Анализ мотива и его вариантов (работа памяти, чувство вины, голос больной совести) обнаруживает сложную ассоциативную связь тех эпизодов романа, которые включают читателя в напряженный диалог с автором, в поиск его героями подлинных ценностей жизни. Незавершенность детективной интриги, заложенной в субъективных воспоминаниях героев, оказывает неожиданный эффект воздействия на читателя. Авторская недосказанность при этом преодолевается целой системой бинарных оппозиций, контрастных значений мотива воспоминаний. Выявлено, что ментальная тяга героев романа к родовой памяти обретает статус универсального свойства и становится результатом вечного поиска истины и смысла человеческой жизни. Делается вывод о том, что мотив воспоминаний позволяет выйти к авторскому замыслу произведения, несмотря на отсутствие отчетливой сюжетно-фабульной последовательности и усиление дискретности повествования, вызванную ретроспективной усложненностью. В рамках такой концептуализации мотива и следует говорить о его структурообразующей функции в романе А. Ангархаева.

Ключевые слова: мотив; воспоминание; прошлое/настоящее; душевный разлад; память рода; ценности народной культуры.

Мотив воспоминаний, один из важных в творчестве многих писателей, в литературном процессе 1970–1980-х гг. занимал особое место, способствуя актуализации темы исторической памяти. Это был период кризиса идентичности, осознания того, «почему мы не можем быть теми, кем были раньше», и почему «прошлое... мучительно сохраненное в нашей душе, следует за нами» [3, с. 296]. В одном из интервью В. Распутин говорил о том, что литература может восстановить утерянную национальную идентичность, подчеркивая связь истории и сегодняшнего дня: «Сколько памяти — столько жизни в прошлом и будущем... наша литература, как мы говорим и как оно есть на самом деле, — литература памяти...» [6, с. 151].

В бурятской литературе этот социально-культурный импульс затронул не только исторические романы и повести Ч. Цыдендамбаева, Д. Батожабая, А. Бальбурова, В. Митыпова. Герои-современники Д. Эрдынеева, С. Цырендоржиева, А. Ангархаева независимо от их возраста и социального положения были наделены способностью помнить многое из жизни своего народа. Лирические герои Д. Улзытуева, Л. Тапхаева, Б. Дугарова в своих размышлениях и представлениях о жизни пытались осмыслить пережитое не только в собственной жизни. Вспоминать, мечтать, видеть сны и вглядываться в видения прошлого — все это разнообразие феноменов памяти представлено в ранних и зрелых, прозаических и драматических произведениях А. Ангархаева, а в его романе «Вечный цвет» (1982) мотив воспоминаний становится неотъемлемой частью всего мотивного комплекса и повествовательной структуры в целом. Этот комплекс связан с подчеркнутой авторской позицией симпатии/антипатии к героям по признаку их отношения к родным местам и отчужденности, что типологически приближает роман к русской «деревенской» прозе 1960–1970-х гг.

Повествование в романе «Вечный цвет» построено на чередовании настоящего и прошлого, а пространственно-временная структура во многом основана на оппозиции прошлое / настоящее. Главные герои — старики Аюши, Шаралдай и Ломбо в своих размышлениях и раздумьях о сегодняшнем дне постоянно уходят в прошлое. Молодые герои справедливо упрекают стариков в том, что каждый из них чересчур «ударился в воспоминания». Самый авторитетный из стариков — Аюша, считая, что молодым следует жить настоящим и будущим, заявляет от лица своих ровесников: «... нам есть что вспомнить». Прошлое вызывает в памяти героев-стариков Ангархаева не столько светлые, сколько горькие и мучительные стороны: «Эх... есть такие воспоминания, что всю душу у человека выворачивают» [1, с. 43]. Вот почему мотив воспоминаний неизбежно сопровождается и соединяется в романе с мотивом разлада во внутреннем мире героев.

Воспоминания трех стариков в романе «Вечный цвет» возникают в связи с давним событием, о котором напомним появление в маленьком селении Хасуурита следователя Маглаа. В его памяти и памяти трех стариков воскрешает история двадцатилетней давности, когда был совершен поджог колхозных свинарников. Сюжет движется сменой точек зрения — все герои в своих воспоминаниях так или иначе касаются этой почти детективной истории, ведь преступление осталось нераскрытым. Подозреваемым в этом поджоге считался старик Шаралдай, а Ломбо старался во что бы то ни стало отвести от себя подозрения в его совершении. Старик Аюша, как и его ровесник Маглаа, уверен, что давний эпизод коснулся и его судьбы. Героев в романе многое связывает, воспоминания о прошлом объединяют их, как и острое переживание ими утраты гармоничных отношений с окружающим миром. Драматичное состояние не только стариков, но и их детей отражено в целой системе эпизодов и перипетий, но более всего — в повествовании, соединяющем различные точки зрения, которые попеременно меняются в зависимости от того, кто из трех стариков — Шаралдай, Аюша или Ломбо сталкивает в своих воспоминаниях день сегодняшний и день вчерашний.

Вначале читателю непонятно, виновны ли Шаралдай и Ломбо в пожаре, если один там работал, а другой подстрекал его поджечь ветхие строения, чтобы на их месте построили новые. Именно здесь, понимает читатель, и кроется одна из

причин внезапной болезни Шаралдая, которая служит завязкой произведения — приезжают сыновья, его навещают один за другим односельчане, сосед Ломбо устраивает пир, на котором снова, к досаде хозяина, говорят о Шаралдае и вспоминают все то же событие из прошлого. А в финале почти вся деревня ищет его, ушедшего в лес с желанием покончить счеты с жизнью.

Болезнь Шаралдая — не физическая, а душевная, и объясняется надломленным состоянием героя. Давний пожар тяжелым бременем засел в его памяти, отразившись на его состоянии. «От людей хоронился среди бела дня, а по ночам... как засну — все будто в огонь кидаюсь, кидаюсь... каждую ночь почти» [1, с. 112], — с болью признается он Ломбо. Обостренное чувство вины заставляет Шаралдая терзаться муками совести за то, что он когда-то не помешал пожару. Вот почему мотив памяти в романе Ангархаева тесно связывается с темой больной совести. Как справедливо писал критик, этот роман — «одно из немногих произведений в бурятской литературе последнего десятилетия, где остро ставится тема совести, вины человека» [4, с. 131].

Мучает Шаралдая также острое чувство обиды на односельчан, подозревающих его в давнем поджоге. Еще одна причина болезни героя — переживания за сыновей, которые, по его мнению, немного приносят пользы и добра людям: старший уехал на север за большими заработками, а младший забросил научную работу, не достигнув поставленной цели. Эти чувства и вызывают мучительное состояние душевного разлада.

В финале романа старик Шаралдай окажется в драматичный момент своей жизни в лесу на берегу реки, где задумывается о жизни и смерти, размышляет о смысле собственной жизни. И когда односельчане всей деревней находят потерявшегося старика, они с изумлением и недоумением слышат смех Шаралдая. И это смех счастливого человека, освободившегося от сожалений и мук больной совести. Читателю даже покажется, что эти чувства героя, не перестающего испытывать горечь от несостоявшейся жизни, уходят под воздействием окружающей родной природы.

Мотив воспоминания в романе является средством сюжетного развития наряду с другими мотивами-вариантами — преступления и наказания, душевного разлада и одиночества, взаимоотношения отцов и детей. Любой мотив «живет» в составе некоего «блока», где одни мотивы «притягивают» другие. «Границы мотива, равно как и характер функции, не находятся в зависимости от способа его стилистического выражения. Один и тот же мотив предстает то в предельно кратком изложении, то в чрезвычайно развернутом виде, расцвеченном подробностями» [5, с. 141–142].

По мнению В. Н. Топорова, воспоминания несут «психотерапевтический смысл» или вносят беспокойство, вызывают тревогу и даже «болезнь» в душе человека, который не реализовал своих возможностей, не нашел себя «и душою вроде бы обмелел» [7, с. 94]. Именно такую функцию играют воспоминания младшего сына Шаралдая — Дэбшэна. Ученый-физик, он в душе остается деревенским жителем, потому и в кризисный момент своей жизни ищет в возвращении на родину успокоения, обретения смысла жизни. Его воспоминания о детстве и юности, о друзьях и любимой девушке восполняют ему дефицит того при-

вычного уклада жизни, который олицетворяет для него гармонию во взаимоотношениях человека и окружающего мира.

В воспоминаниях Дэбшэна превалирует чувство жалости и сострадания к заблевшему отцу, в жизни которого случилось немало сложных, порой жестоких событий — тяжелая работа в колхозе, война и послевоенная скудная жизнь, нужда членов семьи после пожара на свиноферме. Особенно запомнился Дэбшэну эпизод из детства, когда вверенных отцу быков, которых тот считал самыми благородными и достойными животными и никому не мог доверить, по приказу начальства решено сдать «за ненадобностью» на убой. Это воспоминание, наполненное субъективностью точки зрения Дэбшэна, укрупнено и точкой зрения самого Шаралдая, который с болью следит за тем, как быки покорно следуют за сидящим на лошади Ломбо и как один молодой бык вырвался из стада и помчался к лесу. И как Ломбо, ревностно исполнявший приказ, махнул в отчаянии рукой, отказываясь вернуть быка в строй.

В воспоминании Дэбшэна Шаралдай зло и торжествующе захохотал, и в этом амбивалентном акте слились радость за уцелевшего бычка и злоба по отношению к абсурдному приказу. «Люди молча глядели вслед — доярки, скотники, погонщики... А Шаралдай хохотал — зло и торжествующе. Никогда Дэбшэн не слышал, чтобы отец так смеялся. Когда очень радуется, то потихоньку лицо поглаживает, покачиваясь то вперед, то назад, и посмеивается тихонько, почти беззвучно. Сейчас же словно незнакомый человек на носках приподнимается, кулаком стучит по изгороди... подбородники шапки болтаются незавязанные, голова трясется, рот широко открыт, торчат редкие желтые зубы...» [1, с. 38]. В воспоминании Дэбшэна подчеркиваются, с одной стороны, поражение, драма его отца, с другой — его победа, торжество. А уж когда отец пригнал из лесу удравшего быка, именно глазами Дэбшэна увидена перемена в отце, обретшем некий смысл в жизни: он «как будто ожил слегка, даже лицом посветлел», а потом был рад, когда деревенские, а с ними и Ломбо, привели на поводу своих коров к отцу, не соглашаясь с глупостью приказа сверху.

Еще один яркий эпизод из прошлого возникает в памяти Дэбшэна, когда в разговоре с бывшими одноклассниками он вдруг вспомнит, как, будучи школьником, участвовал в сборе небывалого урожая в родном колхозе. И этот монолог-воспоминание героя выдает в нем натуру поэтическую, ценящую красоту, особенно в ее жизненно важном проявлении: «...зернопункты попросту не справлялись с гигантскими кучами. Ребята лопатами зерно ворошили, с места на место перекидывали, шуму было, песен... Какой урожай, на всю жизнь запомнился! Колхозники подходили, перебирали горсти крупных, густозолотистых зерен, любовались как драгоценностями какими-то редчайшими... Вот так загорается женское лицо, склонившееся над старинным богатым сундуком. Украшения давно прошедших времен — нагрудные, наголовные, всевозможные браслеты, ожерелья из золота, серебра... изумруд, жемчуг. Сердолик, бирюза... Впрочем, женщин, озаряемых блеском сокровищ, Дэбшэну приходилось видеть разве что в кино. Хасууритинцы — народ небогатый, ну, колечком может кто похвастаться или сережками... Золото зерен — вот несметное богатство. Да, сколько лет прошло, а не забывается: зерно на ладони. Мозолистой крестьянской ладони, — словно живое, дышит... И тысячелетиями поддерживает жизнь человечества» [1,

с. 83]. Так рядом с тоскливым переживанием о неудавшейся жизни возникает восхищенный гимн главной ценности жизни — главной не только с точки зрения хлебороба. Горестно осознавая, что он выключен из круга интересов своих односельчан, Дэбшэн тем не менее остается сыном своей Хасууриты, верным ее ценностям, нравственным и эстетическим. Оппозиция во внутреннем монологе героя «ценности мнимые (материальные) / ценности подлинные», «красота мнимая (украшений) / красота подлинная» — это и есть предвестие выхода героя из состояния кризиса и одиночества.

Центральной характеристикой мотива воспоминания является не действие, совершаемое героем или вызванное другими силами, не поступки героя, внешне оформленные в определенные типы фабульного времени. События, входящие в семантическую орбиту мотива воспоминания, как правило, связаны с идеей внутреннего движения сознания. Если главным движущим чувством Шаралдая является обида, которая мучает его, составляя внутреннее противоречие его натуры, то для старика Аюши воспоминания предстают в динамике, хронологически последовательной: Аюша вспоминает, как после закрытия дацана снял одежду ламы и вступил в артель, влюбился в Дулсаму и потерял ее по вине более удачливого соперника — Ломбо, испытал разлуку с домом — был сослан на лесозаготовки, затем попал на фронт, а после вернулся в Хасууриту, чтобы лечить людей. Хоть и не зовут его именем бурхана долголетия Сэндэ-Аюшей, как мечталось в юности, а называют просто доктором Аюшей, его самое заветное желание осуществилось.

Сельский фельдшер Аюша единственный, кто не верит в причастность Шаралдая к давнему преступлению. В разговоре с Дэбшэном о болезни его отца Аюша попытается объяснить одну из причин болезни друга, вспомнив старинное предание. Метафорический смысл предания о тайше, который не знал, кого из двух сыновей сделать своим преемником, перекликается с финалом романа, свидетельствующим о выздоровлении Шаралдая. Однажды тайша притворился тяжелобольным и спящим и подслушал разговор сыновей, после чего внезапно вскочил со смертного ложа с громким хохотом и принятым решением — сделать тайшой того сына, который в подслушанном разговоре не захотел устроить похороны отца с почетом и согласно обрядам, как советовал брат, а предложил просто зарыть в яму и вбить осиновый кол, чтобы не беспокоил живых. Дэбшэн никак не комментирует эту историю — его волнует, по какой причине он слышит ее, а именно — притворялся ли его отец, как тайша в рассказе, или действительно заболел серьезной болезнью. Но для читателя смысл рассказанной истории заключается в амбивалентности хохота тайши: это здоровый смех над своей должностью, традиционно славящейся жестокостью, равнодушием к подданным, и одновременно горький смех, откликающийся на жестокость и равнодушие сына по отношению к отцу.

Предание, о котором вспомнил Аюша, накладываются на финал: Шаралдай смеется, потому что преодолел, как тайша (и как тот смелый бычок из воспоминания Дэбшэна), обиду, страх, а также сожаление о двух своих сыновьях, один из которых отверг его отцовскую гордость, когда оставил занятия наукой, а другой на долгое время оставил семью, уехав на заработки. Старик почувствовал себя молодым и здоровым в студеной воде, которая кажется ему чудесной и обвола-

кивает его счастливым солнечным теплом. Мотиву душевного разлада противостоит мотив смеха как победы человека над дисгармонией в мире и человеческих отношениях. По М. М. Бахтину, это преодоление социальной дисгармонии, вселенского абсурда благодаря бессмертию народного тела, всепобеждающей народной силе и народному здоровью [2, с. 278].

Воспоминания третьего старика — Ломбо важны в аспекте субъективной структуры повествования, его временного аспекта: они то краткие, могут наступить «не вовремя», то пространные, давно живущие в памяти и не дающие успокоения. Например, связанная с приездом сына Цезаря, назначенного председателем колхоза в родной деревне, картина пожара, которая вызвана чувством сожаления и вины за то, что он воспользовался пожаром для изгнания неугодного председателя, того самого, который затем поддержал его сына в карьерном росте.

Если отношение повествователя к воспоминаниям Шаралдая и Аюши вполне сочувственные, то воспоминания Ломбо внутренне противоречивы и вызывают или нейтральное отношение, или явно саркастическое, что свидетельствует о сложности и противоречивости героя. Настоящее же авторское отношение к герою прояснится в эпизоде пира, устроенного Ломбо с целью задобрить всех односельчан (поскольку ему дорого честное имя), где наконец выяснится лицо, совершившее когда-то поджог свинарников. На пиру появится дальний родственник Ломбо, названный «черным человечком». У родственника этого, непонятно как и откуда появившегося, нет имени, и его восприятие Ломбо, да и всеми его гостями как «черного человечка» чуть ли не мистическое.

Этот безымянный герой произнесет застольную речь как монолог о «черных делах в черном мире», и в восприятии этой речи будет господствовать сознание Ломбо, которое постепенно сольется в повествовании с коллективным сознанием: «...маленький человечек вошел в раж, и перед ошеломленными слушателями протянулась длинная преступная цепь грабежей, поджогов, краж, растрат, хищений на базах, складах, мясокомбинатах, в магазинах, столовых, ресторанах случившихся в различных республиках, краях и областях, причем замешанными в эти происшествия оказались лица самые разные, начиная с крупного начальства и кончая грузчиком или сторожем. С истинным увлечением поведал дальний родственник о человеческой хитрости и находчивости, об интригах и зависти, о взятках, подлогах и подкупах, об угрозах и убийствах... Захлебываясь, рассказывал он о черных делах в черном мире. Хасууритинцы слушали, дивились, мрачнели. Будто и не было полевого простора за окнами, за околицей, синевы небес, человеческого благородства, вечнозеленых елей, звонких речек, густых трав и славных дел...» [1, с. 221].

Эпизод наполнен символическим смыслом — нравственное прозрение старика Ломбо напрямую связано с осознанием его принадлежности к роду/коллективу, к той народной нравственной норме, которая в коллективном сознании всегда существует как истина, как единство человека и общества, человека и природы.

Многие мотивы по своей природе потенциально бинарны, и потому мотивы воспоминаний и душевного разлада не исключают противоположного значения: чувство тоски может содержать ожидание радостной встречи, печальному воспоминанию вторит обнадеживающий разговор. Так произойдет и с Ломбо в ночь

ном разговоре с сыном и невесткой, которые в ответ на его признание, как все годы ему было мучительно на душе за то, что подговорил Шаралдая на поджог сви-нарников, предложат уехать из деревни. И несмотря на страх разоблачения, тоску по содеянному и чувство вины перед детьми за брошенную им тень на родо-вое имя, Ломбо произнесет самую заветную мысль: «Да, велик белый свет, да Хасуурита одна такая, другой нету для меня. Пусть позорят как хотят, но кости мои в этой земле лежать будут. Если уеду — сразу конченным человеком себя почувствую, знаю. А я, может, еще не конченный, пожить хочу, рассчитать, взвесить да поразмыслить, для чего я землю топтал. Эту вот саму землю, а не какую-то там, в чужих краях. Чего я там не видал? Нет, я не конченный, я еще хочу с Аю-шей договорить и доспорить с Шаралдаем... И с Шаралдаем вину разделить...» [1, с. 292–293].

Этот разговор в ночи, очень важный для всех членов семейства Ломбо после неудавшегося пира, захватывает читателя точно так же, как и его участников: «Все молчали, но не расходились почему-то, стоя друг перед другом у потухшего костра. Тьма сгустилась, не видно лиц и рук — смутные тени в ночи. Однако не усталость ощущал Цезарь, наоборот — странный подъем духа. Казалось просто невозможным пойти и улечься спать — сна ни в одном глазу — хотелось... впрочем, он сам не знал, чего ему хотелось, разве что... положить под треногу дров и разжечь огонь — золотой трепещущий огонь в ночи» [1, с. 293]. Важность выстраданной исповеди Ломбо передана автором на контрасте усталости и подь-ема духа, сожаления от потухшего костра и желания разжечь огонь. За этим кон-трастом кроется метафорический подтекст, в котором читатель видит желанное успокоение Ломбо, гордость Цезаря за отца, и еще надежду, веру в будущее всех участников ночного разговора.

Реализация мотива беспокойной совести в образе Ломбо может быть понятна только в этой части сюжета, близящегося к завершению. Читателю из этой испо-веди в ночи у потухшего костра становится понятным, что только больная со-весть заставила Ломбо считать себя «уголовным преступником», что «наказа-ние» уже совершилось и что нет за Ломбо «преступления», кроме поступков, за которые сейчас ему стыдно и за которые хочется повиниться перед самым близ-ким — своим сыном-наследником.

На контрасте и соединении противоположных начал построены народные сцены на пиру Ломбо, например, в общем ёхоре, который начался красивым хо-роводом, но затем закончился смехом, потому что танец с непривычки разладил-ся. Рядом с мотивами тоски, душевной надломленности эти сцены — по кон-трасту — позволяют придти к другому настрою, в котором бы отразились кол-лективная душа, народное сознание. Помогает этому коллективно исполненная ёхорная песня, в которой как бы растворялись все сиюминутные печали и горь-кие переживания. «Из темной глубины веков раздаётся эта песня. Пели ее, когда выходили в далекий опасный путь целым племенем или родом. И чья-то мать укладывала во вьюки бедное добро... отец запрягал коня, усаживал ребятишек в телегу; старая-престарая бабушка молилась о детях, о внуках и о правнуках, что миновала их вражеская стрела, не свалила лихая болезнь, не напали бы хищники, расступились бы реки и горы, и земля легла ровной гладью, и ждал бы ночлег. Приют и покой ваереди». Поющие мужчины ощутили себя многоопытными му-

жами, женщины нежно вторили им: «Надейтесь! Надейтесь!» [1, с 284–285]. И верный конь устоит, пелось в песне, перед черными ветрами, и отважная женщина с новорожденным на руках усидит в седле...

И перед читателем вдруг возникает коллективный монолог, соединяющий прошлое и настоящее: «Сурова была та песня, сурова жизнь предков, не чета нынешней. А мы? Неужто только в песне способны воодушевиться, а в жизни захнычем перед любой трудностью, отступим перед любым испытанием? Неужто взаправду измелечал народ?..» [1, с. 285]. Именно здесь можно увидеть, как автор отсылает своего читателя к национально-ментальным и универсально-вечным ценностям, объединяя их в одно целое — ценности народной культуры.

Надо отметить, что мотив, сначала развивающийся в соответствии с противопоставлением старых и молодых героев, затем переводится на отношения соперничества (удачливый Цезарь и неудачник Дэбшэн) и отношения ценностной несовместимости (чуткий к голосу памяти и совести Шаралдай и конфликтующий с собственной совестью Ломбо). Ближе к финалу в развитии мотива уже нет огромной разницы между представлениями стариков о прошлом и настоящем и представлениями молодых о ценностях настоящих и мнимых. Несмотря на их непростые отношения, герои едины в своем желании благополучия жителям родной деревни, желании жить в гармонии с миром. Всем им, в том числе Ломбо, присуще ощущение общности с родом. Да, он мучается угрызениями совести, многое бы хотел переиграть в своей жизни, но в то же время вырастил достойных детей и заботится о своем добром имени, гордится предками, чувствует ответственность за свой род.

И такая интенсивная внутренняя работа приводит трех героев-стариков Ангархаева к прозрению как «моменту истины». Аюша озвучивает в финале главную авторскую мысль, обращаясь к Дэбшэну: «Этот лес — и твой лес, и мой, и отца твоего... Какие только мысли ни приходят в голову здесь, под этими деревьями... Сменяются цивилизации и религии, а вечное стремление к истине остается во веки веков...» [1, с. 326].

Система выделенных мотивов в романе «Вечный цвет», как мы убедились, строится не только на пространственно-временных особенностях и психологических состояниях героев, но и на сложной ассоциативной связи эпизодов. Этому способствует введение различных субъективных точек зрения, стремление автора пропустить события сюжета через индивидуальное сознание всех героев. Авторская недосказанность восполняется в читательском восприятии при помощи бинарных оппозиций, контрастных значений выделенных мотивов, получающих статус как ментальных, так и универсальных. Анализ мотива воспоминаний и связанных с ним других мотивов обнаружил в романе А. Ангархаева тягу его героев к родовой памяти как истине. Главная духовная ценность в менталитете бурят, по мнению автора романа «Вечный цвет», — связь человека с родом, родовым началом. А чувство ответственности перед родом означает отстаивание ценностей народной нравственности.

Литература

1. Ангархаев А. Вечный цвет / А. Ангархаев. Москва : Современник, 1988. 335 с.

2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. Москва : Худ. лит., 1965. 530 с.
3. Лассан Э. «Плюрализм возможен, консенсус исключен»: роман Ю. Давыдова «Бестселлер» в свете «лингвистического поворота» в гуманитарных науках / Э. Лассан // Новое литературное обозрение. 2006. № 5(81). С. 293–311.
4. Очиров М. К тайнам души человека / М. Очиров // Байкал. 1990. № 3. С. 131–132.
5. Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность / Б. Н. Путилов. Ленинград : Наука. 1988. 224 с.
6. Распутин В. Г. Что в слове, что за словом?: очерки, интервью, рецензии / В. Г. Распутин. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 336 с.
7. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. Москва : Прогресс, Культура, 1995. 624 с.

THE MOTIF OF MEMORIES IN A. ANGARHAYEV'S NOVEL "ETERNAL COLOR"

Svetlana S. Imikhelova

DSc in Philology, Professor, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

Gerelma Ch-D. Buyantueva

PhD in Philology, Senior Researcher, Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article reviews the motive of memories as one of the main motives in the prose by A. Angarhayev. In his novel "Eternal Color" (1982), it plays an important part, reflecting the general trend in the literary process of the 1970-1980's and cementing the main author's plot. This motive, along with the motive of mental disorder, is a part of the general motive complex "loyalty to the family", which is stated primarily in the characters of the old heroes — the initiators of memories of the past. Analysis of the motive and its varieties (work of memory, guilt, the voice of a sick conscience) reveals the complex associative connection of those episodes of the novel that involve the reader in a tense dialogue with the author, in the heroes' search for the true values of life. The incompleteness of the detective intrigue inherent in the subjective memories of the heroes has an unexpected effect on the reader. The author's understatement is overcome by a whole system of binary oppositions, the contrast values of the motive of memories. It is revealed that the mental attraction of the heroes of the novel to the ancestral memory acquires the status of a universal property and is the result of an eternal search for the truth and meaning of human life. It is concluded that the motif of memories allows us to reach the author's plot, in spite of the absence of a distinct story-plot sequence and the increased discreteness of the narrative, caused by retrospective complication. In the framework of this conceptualization of the motive, we could also speak of its structure-forming function in the novel by A. Angarhayev.

Keywords: motive; memory; past/present; spiritual discord; memory of the genus; values of folk culture.